

² Вестник восстановительной юстиции, 2001. № 2. С. 86–103.

³ Basic principles on the use of restorative justice programmes in criminal matters, ECOSOC Res. 2000/14, U.N. Doc. E/2000/INF/2/Add.2 at 35 (2000). URL: <http://www.unicef.org/.../Basic%20principles%20restorative%20justice%20criminal%20mat...> (дата обращения 15.12.2009).

⁴ Guidelines for a better implementation of the existing. URL: <http://www.gemme.eu/en/article/guidelines-for-a-better-implementation-of-the-existing> (дата обращения 02.09.2009).

⁵ URL: <http://www.neps.ru>.

⁶ Гуськова А.П. Медиация как метод восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс. 2009. № 10. С. 26.

⁷ Мелешко Н.П. Проблемы правового обеспечения внедрения примирительных технологий в уголовное судопроизводство современной России // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 1. С. 39.

⁸ Law criminal mediation. URL: <http://www.gemme.eu/nation/portugal/article/law-criminal-mediation> (дата обращения 02.09.2009).

⁹ Malagnino F. Le iniziative dell'ufficio centrale per la giustizia minorile nel campo della mediazione, in F. Molinari, A. Amoroso (a cura di), Criminalita minorile e mediazione. Riflessioni pluridisciplinari, esperienze di mediazione e ricerche criminologiche sui minori. Milano: Franco Angeli, 1998. P. 31–32.

¹⁰ Карнозова Л.М. Ювенальная юстиция: содержание понятия и перспективы в России // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. № 3. С. 4.

¹¹ Guidelines for a better implementation of the existing. URL: <http://www.gemme.eu/en/article/guidelines-for-a-better-implementation-of-the-existing> (дата обращения 02.09.2009).

¹² Постановление Правительства РФ от 21.09.2006 г. № 583 «О Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007–2011 годы» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 41. Ст. 4248.

*В.В. Конин**

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Проблемы современного уголовного судопроизводства, на наш взгляд, необходимо рассматривать в контексте проблем досудебной стадии (предварительного следствия) и проблем осуществления правосудия при рассмотрении уголовного дела по существу.

Поскольку все проблемы российского уголовного судопроизводства в одной статье рассмотреть невозможно, мы в нашей статье попытаемся кратко рассмотреть некоторые проблемные вопросы, с которыми в практической деятельности ежедневно сталкиваются правоприменители.

Проблемы современного предварительного следствия достаточно хорошо известны. Это в первую очередь непрофессионализм, волокита,

* © Конин В.В., 2010

Конин Владимир Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Орловского государственного университета

необъективность (как следствие погони за показателями как отдельного следователя, так и всей системы), зависимость от указаний вышестоящего руководителя (нередко формально не идущих вразрез с требованиями закона, но не соответствующих следственной ситуации, сложившейся на данном этапе расследования). Несмотря на закрепленную в УПК РФ процессуальную самостоятельность, следователь фактически превращен в чиновника, загруженного уголовными делами, а потому механически исполняющего свою работу, а также указания руководителя следственного органа. Профессия следователя перестала быть творческой, в результате чего потеряла свою привлекательность.

В основе всех вышеперечисленных нами проблем современного предварительного следствия, на наш взгляд, лежит то, что участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения (в первую очередь следствие), а также суд забыли про существование в УПК РФ ст. 6 и перестали видеть в лице, привлекаемом к уголовной ответственности (а зачастую и в потерпевшем) человека. Под лозунгом борьбы с преступностью на практике идет ужесточение в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления. И в первую очередь это касается как отказа следствия от сбора доказательств, оправдывающих подозреваемого (обвиняемого), либо смягчающих его виновность, так и избрание мер пресечения. Складывается впечатление, что наше следствие не знает иных мер пресечения, как только содержание под стражей и подписка о невыезде и надлежащем поведении. Так, по нашим данным, полученным в ходе работы в судах Калининградской и Орловской областей, в 2002—2009 годах следователи органов внутренних дел и СКП при прокуратуре ни разу не обращались в суд с ходатайством об избрании в отношении лица, подозреваемого либо обвиняемого, таких достаточно строгих мер пресечения, как домашний арест или залог. В то же время удовлетворение судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу составляет, по некоторым данным, более 90 %. На это и обратил внимание Президент Российской Федерации Д.А. Медведев, указав, что проблема с часто неоправданным заключением под стражу существует. Если раньше просьба обвинения о применении наказания в виде лишения свободы подтверждалась в 75 % случаев, то сейчас этот показатель зашкаливает за 90 %¹.

Несмотря на то, что это высказывание прозвучало год назад, картина не изменилась. При этом суды не принимают во внимание то, что следствие, ходатайствуя о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, обязано доказать, именно доказать, а не предполагать невозможность применения иной, более мягкой меры пресечения. Раз суды не обращают внимание на это обстоятельство, следствие на эту обязанность по доказыванию также не обращает внимание, полагая достаточным сослаться в хо-

датайстве на свои предположения о том, что лицо может скрыться, совершить новое преступление или оказать противодействие предварительному следствию. В результате зачастую под стражу берутся лица, виновность которых в возникшем подозрении или предъявленном обвинении доказать не удастся, но нахождение под стражей порой длится достаточно длительный срок². На практике случаются и курьезные случаи: так, по уголовному делу № 04758/2004 следователь обосновывал избрание меры пресечения в виде заключения под стражу необходимостью проведения оперативно-розыскных мероприятий в условиях следственного изолятора³.

Вопросы необоснованного избрания меры пресечения в виде заключения под стражу уже неоднократно были предметом рассмотрения ЕСПЧ⁴.

На наш взгляд, одной из главных причин существующих проблем современного российского уголовного судопроизводства на досудебной стадии является правовой нигилизм следователя. Отметим, что правовой нигилизм следователя был предметом изучения В.П. Крамаренко, который вполне справедливо отмечает, что «пренебрежительно-нигилистическое отношение к выполнению предписаний уголовно-процессуального закона наблюдается почти у 50 % следователей, допустивших те или иные ошибки по изученным делам»⁵. Обоснованность этого вывода подтверждается тем, что В.П. Крамаренко пришел к нему не только на основе теоретического исследования проблемы, чем нередко грешат некоторые современные исследователи, а в результате изучения большого количества архивных уголовных дел и опроса конкретных следователей, в чьих делах были выявлены следственные ошибки. На наш взгляд, именно такой метод исследования придает убедительность выводам, к которым пришел ученый.

Следующую проблему предварительного следствия мы видим в том, что, на наш взгляд, современного следователя и руководителя следственного органа совершенно не интересуют научные рекомендации и разработки криминалистической науки по расследованию уголовного дела — как по стратегии и тактике всего предварительного расследования, так и по тактике производства отдельных следственных действий — допроса, обыска, опознания, очной ставки. В результате этого нередко возникают ситуации, когда, ввиду явной неподготовленности следователя к проведению запланированного следственного действия, адвокат-защитник берет под свой контроль производство того или иного следственного действия (допроса, очной ставки, опознания и т. д.) и фактически навязывает следователю свои условия по производству следственного действия — комментирует, а, по сути, по новому формулирует заданный следователем вопрос и на этот вопрос сам же и дает ответ от имени своего подзащитного.

В результате следственное действие не достигает той цели, для производства которой оно изначально было необходимо, и выполняется

формально, только для того, чтобы в материалах уголовного дела был протокол о производстве указанного следственного действия.

Хочется задать вопрос: кому нужна ли такая деятельность следователя? Формальная борьба с преступностью может свидетельствовать только об одном — об отсутствии реальной борьбы с преступностью. Гонка за показателями поставила под вопрос существование процессуальной независимости следователя.

Хочется обратить внимание на еще одну, выявленную нами в ходе опроса следователей и дознавателей двух, достаточно удаленных друг от друга регионов⁶ проблему: опрос показал, что даже при наличии достаточных оснований для прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (в частности, в связи с примирением сторон), уголовное дело прекращено не будет, поскольку у следствия и дознания существует такой показатель, как количество уголовных дел, направленных в суд. Более того, по словам опрошенных дознавателей и следователей, этот показатель постоянно растет по отношению к предыдущему отчетному периоду. И это не может не настораживать. Получается, что на сегодняшний день, вопреки требованиям статьи 6 УПК РФ, задача, стоящая перед следствием только одна — любой ценой собрать доказательства, так или иначе подтверждающие обвинительный тезис в отношении лица, привлекаемого к уголовной ответственности, и направить дело в суд. В то время как в большинстве стран Европы перед правоохранительными органами стоит задача минимизировать правовой конфликт путем использования примирительных процедур, перед российским следствием стоит задача повышения показателей по количеству уголовных дел, направленных в суд.

Именно правовой нигилизм следователя, ложно понимающего установку, что каждое преступление должно быть раскрыто и виновный должен понести наказание, не имеющего в силу тех или иных обстоятельств возможности доказать процессуальным путем виновность лица, подозреваемого в совершении преступления, лежит в основе следственного произвола, одним из видов которого выступает фальсификация следователем материалов уголовного дела, создание видимости виновности подозреваемого (обвиняемого), подкрепленная сомнительными доказательствами⁷.

В этой ситуации, казалось бы, главная надежда остается на суд, который, тщательно исследуя материалы уголовного дела, детально разберется во всем и вынесет справедливый и убедительный приговор.

Но, как свидетельствует статистика, этого не происходит. Так, согласно данным, представленным Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, количество оправдательных приговоров за последние годы составляет 0,3–0,4 % от общего количества рассмотренных судами уголовных дел. И это при крайне низком качестве расследования уголов-

ных дел. Складывается впечатление, что суды боятся выносить оправдательные приговоры и предпочитают выносить приговоры, которые не соответствуют принципу справедливости наказания за совершенное преступление, но устраивают стороны и не обжалуются в кассационном порядке. Как справедливо отмечает С. Гордейчук, «сложилась парадоксальная с точки зрения цивилизованного правосудия ситуация, когда обвинительный приговор вынести легче, чем оправдательный»⁸.

Но такое положение было не всегда. Так, И.Л. Петрухин на основе архивных данных приводит следующие цифры: в 1937–1953 гг. было оправдано 10 % лиц, привлеченных к уголовной ответственности, 1954–1956 гг. – 5,5 %, 1957–1966 гг. – 2,5 %, 1967–1970 гг. – 1 %. В 1984 г. оправдательные приговоры составили 0,2 %. Некоторый рост оправдательных приговоров намечился в современной России: 1991–1992 гг. – 0,5 %, 1996 г. – 0,43 %, 1997 г. – 0,48 %, 1998 г. – 0,35 %⁹.

Интервьюирование судей в отставке, осуществлявших свою деятельность в качестве судей в советское время, показало, что ничтожный процент оправдательных приговоров в советское время основывался на следующих составляющих: высокое качество предварительного следствия при достаточной самостоятельности следователя; жесткий процессуальный контроль прокуратуры за ходом расследования; возможность прекращения следователем уголовного дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РСФСР (при недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления, если исчерпаны все возможности для собирания доказательств); отсутствие в следственных подразделениях погоны за показателями; возможность возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования, после чего часть уголовных дел прекращалась следователем по тем или иным основаниям. При этом все опрошенные судьи категорически отрицали наличие попыток какого-либо давления при осуществлении ими правосудия со стороны партийных и хозяйственных руководителей¹⁰.

В мае 2008 года Президент Д.А. Медведев, предвзято начало нового этапа развития судебной системы, отметил, что «основная цель для нас – добиться независимости суда на деле». Из слов Д.А. Медведева можно сделать вывод о том, что, несмотря на провозглашенную независимость, фактически суд сегодня не является независимым органом власти.

Независимость, неподкупность и беспристрастность судей как обязательные признаки судебной власти были заявлены в концепции судебной реформы в качестве основных критериев для осуществления судебной реформы в России, принятой Верховным Советом РСФСР в 1991 году. Однако следует констатировать факт, что многие положения Концепции, к сожалению, не осуществлены до сих пор.

Примечания

¹ См.: Президент потребовал меньше сажать // Российская газета. 2008 18 декабря.

² Так, по уголовному делу № 20/00/0008-08, возбужденному по пп. «а, б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, военнослужащий С. находился под стражей в течение 5 месяцев. В конечном итоге С. было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ, и уголовное дело в отношении С. было прекращено.

³ Уголовное дело № 04758/2004 после расследования в течение четырех с половиной лет было прекращено за отсутствием в действиях обвиняемого состава преступления.

⁴ См.: Постановление Европейского суда по правам человека от 07.12.2006 г. «Шейдаев против РФ»; Постановление Европейского суда по правам человека от 21.06.2007 г. «Битиев и Х. против РФ»; Постановление Европейского суда по правам человека от 18.10.2007 г. «Бабушкин против РФ»; Постановление Европейского суда по правам человека от 07.06.2007 г. «Иванов против РФ», в ходе рассмотрения которых было установлено, что были нарушения при избрании ареста; Постановление Европейского суда по правам человека от 07.06.2007 г. «Гарабаев против РФ», в ходе рассмотрения которого были установлены нарушения при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

⁵ Крамаренко В.П. К вопросу о причинах следственных ошибок // Судебная реформа 1864 года и ее влияние на развитие права: материалы заочной международной научно-практической конференции. Калининград: КПИ ФСБ РФ, 2004. Ч. 2. Разд. 3. С. 83.

⁶ Опрос проводился среди дознавателей подразделений дознания и следователей следственных подразделений УВД по Орловской и УВД по Калининградской областей.

⁷ Так, по уголовному делу № 27174/2002, возбужденному СО при ГОВД г. Светлогорска Калининградской области по обвинению несовершеннолетнего Л. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 162, ч. 2 ст. 112 УК РФ, следователь представила защитнику, законному представителю и несовершеннолетнему обвиняемому для ознакомления уголовное дело, в котором находились незаполненные, но уже подписанные потерпевшей процессуальные бланки.

⁸ Гордейчук С.А. Еще раз о необходимости суда присяжных в России // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Петрухин И.Л. Человек и власть. М.: Юристъ, 1999. С. 167, 225–226.

¹⁰ Опрос проводился среди судей в отставке Орловской и Калининградской областей.

*О.Р. Гарифуллина**

О СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ И СМЕРТНОЙ КАЗНИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В научных и политических изданиях, а также в средствах массовой информации с новой силой развернулась полемика относительно проблем и перспектив привлечения представителей народа к отправлению правосудия. Вероятно, отчасти это связано с введением в действие в полном объеме норм уголовно-процессуального законодательства,

* © Гарифуллина О.Р., 2010

Гарифуллина Олеся Раффаковна — соискатель кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета